

набечника. На музейных экспонатах можно показать способ орнаментации тонких прозрачных шелковых платков «калгай», орнаментирующихся по способу батикования, как и производство грубой паласной ткани.

Небольшая коллекция ковров (всего 80) представляет значительную научную ценность; все ковры определила и описала В. Г. Мошкова. Ценным является наличие в этой коллекции нескольких ковров из Бешира, обычно плохо представленных в музейных собраниях. Среди них имеется уникальный ковер, относимый В. Г. Мошковой к концу XVIII в. Невелико и собрание керамики, включающее 250 предметов. Однако в нем представлены образцы художественной керамики почти всех районов Узбекистана и северного Таджикистана. Эта коллекция также прошла научную обработку, для чего привлекались инженер-керамист Рахимов и мастера-гончары. В результате этой работы А. К. Писарчик составила сводку всех собранных материалов.

Тяжелые годы войны почти приостановили этнографическую работу музея. Однако и в эти годы, несмотря на недостаток средств, иногда удавалось приобрести новые интересные экспонаты. Пополнилась несколькими новыми образцами коллекция вышивок, были приобретены оборудование мастерской ювелира, инструментарий резчика по дереву и т. п.

Превращение Самаркандского музея в Музей культуры узбекского народа открыло перед этнографической работой широкие перспективы. Музей, обладающий уже такими ценными в научном отношении собраниями, должен принять все меры для дальнейшего пополнения в первую очередь тех коллекций, которые имеют наибольшее, всеоюзное значение, простеи выезды и экспедиции в необследованные еще районы, выявить имеющихся там мастеров и мастериц, собрать образцы их произведений и изучить их творчество. Необходимо пополнить альбомы рисунков рисовальщиц, образцов тканей, коллекций вышивок, одежды, орудий труда.

Наряду с собиранием и изучением памятников прошлого, внимание этнографов музея должны привлекать и своеобразные современные изделия в национальном стиле. Такой характер носит нередко продукция промысловых артелей, вырабатывающих традиционный, соответствующий вкусам местного населения ассортимент. Этнографы Музея культуры узбекского народа не могут пройти мимо высокохудожественных многоцветных атласов, орнаментированных старинным способом резервации основы, которые получили такое широкое распространение и такое развитие именно в наши дни. Атлас и другие ткани такого рода прочно вошли не только в производство артелей, но и в ассортимент текстильных фабрик Узбекистана. К их производству привлекаются местные мастера, владеющие искусством их изготовления, сохраняющие старинные национальные традиции орнаментации тканей этим сложным, трудоемким, но дающим своеобразный эффект способом. Широкий спрос на такие ткани, детальная мода на них служат стимулом к созданию новых узоров и расцветок. Выполненные этой техникой современные ткани в лучших своих образцах представляют шаг вперед по сравнению с дореволюционными тканями этого же рода. Между тем образцы таких тканей современного производства обычно не представлены в музейных собраниях; нет их и в Самаркандском музее. Создать такие коллекции необходимо.

Не менее интересно современное производство вышитых тюбетеек, являющееся в наши дни одной из наиболее развитых отраслей народного искусства. Эта отрасль никогда не видела такого расцвета, какой она переживает сейчас. Современные тюбетейки много лучше, богаче и разнообразнее старинных. Насколько сам народ ценит хорошую тюбетейку, показывает их высокая стоимость: за особо изысканную тонкой работы тюбетейку платят до тысячи рублей; такой тюбетейкой гордятся, как ценным произведением искусства.

Почетнейшая и важнейшая задача, стоящая перед этнографами Самарканда, заключается в превращении его в сокровищницу памятников национальной культуры, откуда могли бы черпать необходимые материалы и создатели музейных экспозиций, и режиссеры театров, и исследователи, изучающие историю и историю культуры Узбекистана. Лучшая услуга, которую этнографы музея могут оказать своей родине, состоит в любовном собирании, изучении и показе возможно большего количества памятников высокой культуры народов Узбекистана.

О. А. Сухарева

НОВЫЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА В УЗБЕКИСТАНЕ

До недавнего времени древний палеолит на территории СССР был представлен материалом Абхазии, нижним слоем пещеры Кник-Коба. В последнее время в 1946 г. у села Лука Врублевская, Каменец-Подольского района, Подольской области, П. И. Борисовским и С. Н. Бибиковым были обнаружены кремни ашельского облика¹. В этом же году на левом берегу Днестра у села Выхватинцы, Рыбинского района, Молдавской ССР, в гроте, раскопанном Г. П. Сергеевым, были обнаружены камен-

¹ П. И. Борисовский, К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья, «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 2, стр. 88—89.

ные орудия домустьерского времени, сопровождаемые фауной: слоном трогонтерием, северным оленем. Наконец, в настоящее время домустьерские культурные остатки были открыты в селе Круглик, на правом берегу Днепра, недалеко от Запорожья (исследования В. Н. Даниленко)² и в Армении (исследования С. Н. Замятниной и М. З. Паничкиной).

В Узбекистане до недавнего времени палеолит был совершенно неизвестен. В 1938 г. А. П. Окладниковым была впервые открыта замечательная пещерная мустьерская стоянка в Байсунском районе, близ Термеза³. До сих пор эта стоянка осталась единственной в Узбекистане.

Весной 1947 г. экспедиция Узбекского государственного университета, работавшей под руководством автора этих строк, удалось открыть новую палеолитическую пещерную стоянку с останками древнего человека. Открытая стоянка расположена в 45 км к югу от Самарканда, в склонах гор живописного Аман-Кутана, в 2 км от небольшого кишлака того же названия. Эта пещера расположена на значительной высоте — около 1450 м над уровнем моря. Пещеру окружают горные массивы Кырк-тау с востока и горный хребет Кара-тепе с запада. В 2 км от пещеры находится горный перевал Тахта-Карача. Пещера находится в зоне разрушения горных пород горного массива Кырк-тау — в долине прорыва этого горного хребта. Ширина у входа пещеры — около 1,50 м; высота — 0,90 м⁴. Этот узкий вход продолжается на расстоянии 7,20 м, а затем открывается помещение-камера длиной в 2,62 м, шириной в 2,52 м, высотой в средний рост человека. В конце этой камеры прослеживается в потолке пещеры карстовое отверстие, ведущее вверх. Западная стена камеры сплошь покрыта очень плотным слоем сталагмитов. Здесь же, в западной стене, имеется карстовая щель, ведущая в небольшую галлерею. Пол у западной стены также покрыт сталагмитами.

При первом же осмотре пещеры нами были обнаружены мелкие обломки костей животных, намеренно расколотых человеком, угольки. Заложенный небольшой разведочный шурф у восточной стены пещеры, доведенный до глубины 0,75 м, показал, что культурный слой насыщен расколотыми костями диких животных, уголками; здесь же были обнаружены каменные орудия из кварца.

Вернувшись в пещеру после некоторого перерыва, мы увидели, что сталагмиты у западной стены камеры разбиты. В этих глыбах оказались кости животных и человека. В особенности интересен фрагмент бедренной кости, состоящий из головки, шейки и верхнего конца тела кости, включенный в очень твердую породу. Эта кость была впервые определена как человеческая профессором Самаркандского медицинского института Б. С. Туркевичем. Однако, по мнению антрополога-морфолога М. А. Шнейдера, специально занимающегося бедренными костями человека, во фрагменте бедренной кости из Аман-Кутанской пещеры усматриваются функции локомоции больше статического порядка, чем динамического, что говорит о его более близком родстве с питекантропом, чем с неандертальцем.

Естественно, что нами приведены самые предварительные данные. Кости человека из Аман-Кутана будут тщательно изучаться после их очистки специалистом-антропологом.

В сталагмитах и под ними были также обнаружены каменные орудия: два отщепы из диорита с хорошо выраженными ударными бугорками и широкими площадками и ряд других изделий из кварца и из известняка. Вещи эти очень архаического облика, массивные и грубые, без ретуши. Кроме того здесь же обнаружены следы первобытного костра в виде угольков и камней, покрытых копотью. Таким образом, в пещере найдено: 12 каменных изделий, кости человека, 900 костей животных, угли, камни, покрытые древней копотью.

Очень интересен состав фауны из Аман-Кутанской пещеры. Он весьма близок фауне, найденной в пещере Тешик-Таш. По предварительному определению В. И. Громовой мы можем дать следующий список видов млекопитающих из Аман-Кутанской пещеры: 1) лошадь (*Equus S.*); 2) олень (*Cervus elaphus*); 3) дикий козел (*Sariga sibirica*); 4) гиена (вероятно, пещерная); 5) медведь (вероятно, обыкновенный); 6) дикобраз (*Hystrix Sp.*); 7) сурок (*Marmota Sp.*); 8) пищуха (*Ochotona Sp.*); возможно, еще лисица и другие хищники.

Сравним с тем, что найдено А. П. Окладниковым в пещере Тешик-Таш. Всего им обнаружено 667 костей, из них костей сибирского козла — 649, лошади — два зуба, кабана — две кости, леопарда — одна кость, сурка — семь костей, пищухи — одна кость, птицы — пять костей. Как видно из приведенного перечня, мы имеем здесь почти такой же состав фауны, как и в Аман-Кутане.

Исследование Аман-Кутанской пещеры далеко еще не завершено, не все найденные здесь материалы изучены, не исследована площадка у входа, не расчищены сталагмитовые глыбы с остатками в них костей. Однако и на основании изученного материала мы можем сделать некоторые выводы о древности Аман-Кутанской пе-

² Устное сообщение В. Н. Даниленко.

³ А. П. Окладников, Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, «Советская археология», 1940, № 6.

⁴ В настоящее время вход расчищается от заваливших его камней. — Д. Л.

щерной стоянки. Об этом достаточно говорит каменный инвентарь орудий и фауна, близкая к Тешик-Таш.

В районе пещеры кремня нет, поэтому первобытный человек пользовался другими минералами для изготовления своих орудий. Орудия из Аман-Кутанской пещеры очень примитивны; они массивны, неправильные очертаний. Найденные здесь дисковидные ядрища грубы, угловаты и похожи даже не на настоящие дисковидные нуклеусы, а скорее всего на дисковидные куски камня. Каменные орудия изготавливались здесь еще не настоящей мустьерской техникой — скалыванием отщепов от дисковидных ядрищ, а более примитивной техникой — «дробления» желваков. Найденные нами отщепы из кварца и яшмы получены именно в результате дробления желвака. П. П. Ефименко, ссылаясь на работу Капитана, пишет по этому поводу следующее: «Капитан, давший обстоятельное описание кремневых изделий, происходящих из нижнего слоя микок, указывает для них ряд весьма характерных признаков. Прежде всего заслуживает внимания самый способ изготовления отщепов в эту эпоху: не скалыванием, как это обычно практикуется в палеолитической технике, а дроблением желваков кремня, которые разбивались резкими, сильными, случайно направленными ударами... Приходится думать, — продолжает П. П. Ефименко, — что подобная техника «дробления», примененная не к кремню, а к другой породе камня, напр., к кварцу или даже к кварциту, должна бы дать изготовленным таким способом грубым отщепам полное сходство с эолитоподобными орудиями, встреченными при остатках синантропа»⁵. Из этого явствует, что орудия синантропа очень близки орудиям из Аман-Кутана. Подобного рода памятники относятся к домустьерскому периоду или по геологической схеме к концу Миндель-Рисского межледниковья. Следовательно, найденные в Аман-Кутанской пещере останки древнее неандертальского или мустьерского человека.

Аман-Кутанский человек охотился, главным образом, на киика (горного козла), раздробленные кости которого были обнаружены в большом количестве в нашей пещере, затем, на оленя, зубы и расколотые кости которого также найдены нами. Кроме того, в Аман-Кутане найдены два зуба дикой лошади. Из других хищников в Аман-Кутанской пещере были найдены кости медведя и гиены. Трудно ответить на вопрос, каким образом охотились древние аман-кутанские люди на медведя. Например, некоторые авторы полагают, что первобытные охотники скалывали сверху большие каменные глыбы на медведя в то время, когда он выходил из пещеры. Такое же явление могло иметь место и в Аман-Кутане. В пещере обитала некоторое время и гиена, об этом свидетельствуют следы острых и крепких зубов, оставленные этим хищником на костях животных в виде зарубок.

Первобытные люди из Аман-Кутана знали и огонь, о чем свидетельствуют остатки от очага — камни со следами копти на них, угольки, жженная кость.

Аман-Кутанская пещера, судя по всем данным, является наиболее древней в Узбекистане. Орудия, найденные в Тешик-Ташской пещере, более совершенны: там представлены и настоящие дисковидные нуклеусы, остроконечники, скребла. Что же касается найденного здесь рубила, то известно, что во многих позднемустьерских стоянках подобные орудия продолжают бытовать наряду с орудиями последующего времени. Это отмечает и А. П. Окладников. «Перед нами, — пишет он, — следовательно, «пережиточные типы древнего двустороннеотесанного ручного рубила»⁶. Итак, если Тешик-Ташская пещера относится к мустьерскому времени, то Аман-Кутанская датируется домустьерским временем.

В 1948 г. автором этих строк были обнаружены, кроме того, еще две пещеры за перевалом Тахта-Карача в кишлаке Саук-Булак. Пещера № 1 расположена в горах Кырк-Кыз, примерно в 800 м от упомянутого выше кишлака. Она находится высоко в горах, в труднодоступном месте. Пещера карстовая, в мраморизированных известняках и напоминает собой Аман-Кутанскую. Пол пещеры состоит из лессовидного суглинка, на поверхности пола встречаются мелкие раздробленные кости диких животных. В заложенном небольшом шурфике, примерно на глубине 20 см, был обнаружен культурный слой, состоящий из раздробленных костей диких животных, зубов дикой лошади, горного козла, оленя, сопровождаемых угольками и двумя каменными орудиями из известняка. Одно из этих орудий — в виде диска, найденного в Аман-Кутане, другое похоже на отщеп, но без бурорка и площадки. Повидимому, и здесь применялась домустьерская техника — дробление камня.

Пещера № 2 расположена к западу от пещеры № 1, у подножья обрыва, в расширенной тектонической трещине; разработана карстовым процессом; имеются следы известкового туфа; создается впечатление обвала потолка, вследствие чего задняя часть пещеры приподнята над входом. Стены носят следы копти, но следов костра не обнаружено. В заложенном небольшом шурфике, в красноватом суглинке были обнаружены раздробленные кости животных, трубчатые кости и зубы лошади.

В 1948 г. археологическая экспедиция Узбекского гос. университета имени Алишера Навои продолжила исследование этих пещер.

Д. Лев

⁵ П. П. Ефименко, Первобытное общество, 1938, стр. 203.

⁶ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 30.